

М. Рыбникова

КНИГА О ЯЗЫКЕ

Очерки по
изучению
русского
языка
и стили-
стические
упражнения

—
«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
Москва 1926

Иностранные влияния.

Статика и динамика речи. Жизнь языка в зависимости от экономических и политических факторов. Образование общегосударственного языка. Греческое влияние и церковно-славянский язык. Обогащение языка церковно-славянскими словами. Петровская эпоха и заимствования с Запада. Жизнь иноземного слова на русской почве.

Если мы видим, что язык Пушкина, словарь его есть достояние эпохи и класса, то ясно, что иные эпохи и другие классы имели свои особые запасы слов. Это значит, что перед нами величина переменная и чрезвычайно сложная. С одной стороны, загадочно консервативная. Какое обилие слов у нас тех же, что и у Пушкина! За сто лет такая сохранность языка. А с другой—неугомонно подвижная, текучая, изменчивая стихия. Ведь каждый ребенок изобретает свои слова, ведь каждый предмет, явившись на свет, несет за собой термин.

В первых главах данной части нашей книги мы говорили о статике словаря, теперь речь пойдет о динамике речи.

Почему русским литературным языком является наречие великорусское, московский говор? Так же как экономически и политически спорили Киев и Москва, Москва и Владимир, Москва и Новгород, так же сталкивались и различные русские говоры: великорусский и малорусский, окаящий и акаящий. И ясно, что господствующим языком стал говор политически господствующего города, т.-е. Москвы.

Так было во всех государствах: язык Афин, язык Рима становился языком образованных греков и римлян не потому, что он богат и прекрасен, а потому, конечно, что это язык господствующего политически города; это последнее и дает

ему жизнь и силу. Об этом вопросе находим интересные страницы в книге «Le langage», автор которой, Vendryes, проводит определенно социологическую точку зрения на язык.

У него читаем: «Из столицы пошел общегосударственный французский язык. Политическое преобладание Парижа и парижской области объясняет тот факт, что диалект Иль де Франса—«французский»—был принят соседними провинциями по мере того, как они были объединены в государство, и стал в конце-концов средством духовного общения всей Франции... История общегосударственного французского языка, его образование и географическое распространение весьма крепко связаны с экономической, политической и социальной историей нашей страны; нельзя понять одну, не зная другой. Но французский язык пошел не только из столицы, но и от определенного класса, от буржуазии. Это обстоятельство хорошо показано Брюно: наш общегосударственный язык, таков, каким он сложился в XVII веке, есть язык парижской буржуазии, из «города»; этот язык принял двор, потом провинция; и великие писатели, пользуясь им, дали ему возможность выделиться окончательно и широко»¹⁾.

Так точно было и у нас: язык определенной области, определенного города—московское наречие стало государственным в силу политического и экономического господства Москвы. Если мы возьмем наше средневековье, то видим литературный язык в руках духовенства; если возьмем XVII—XVIII вв., то нашему анализу предстанет язык московских приказных и служилого дворянства.

Что касается языка народного, крестьянского, то эта речь отличалась наибольшим консерватизмом, как наименее изменчивой была жизнь земледельца. Речь образованных классов, теснее связанная с историей культурных изобретений, претерпевает на наших глазах больше изменений и колебаний. Эти моменты колебаний языка связаны с моментами более напряженной экономической и политической жизни. Торговые сношения с Грецией, принятие христианства, и рядом грамота, первые книги и греческое влияние на язык. Петровская пора и обильное насаждение западно-европейских

¹⁾ J. Vendryes. «Le langage», p. 310—311.

научных, технических и прочих терминов. Подъем русской дворянской жизни в конце XVIII в. и расцвет словотворчества у Державина и Карамзина. И, наконец, наши дни — эпоха целого языкового землетрясения. Сейчас язык настолько освобожден, что всяческие требования футуристов о свободе словотворчества кажутся смешными. Да творите, сколько хотите: все изобретают, начиная с хозорганов и кончая «Лефом».

Приходится наблюдать сейчас, что все русские граждане с необычайной легкостью сокращают, складывают, укорачивают и удлиняют слова. Это — психология времени, и, конечно, времени революционного. Революция политическая подготавливалась давно, также и языковый сдвиг начался по отношению к нашему времени с бальмонтовских времен. И тогда символистам, а потом футуристам приходилось всячески доказывать, что они имеют право творить новое слово. Теперь уже никто не доказывает, и все творят. И творят столь буйно, что порой в толпе кричат: «Караул! Ничего не понимаем!» Это неугомонное словотворчество есть, конечно, явление социального порядка, оно идет сплошной стеной, его не остановишь.

Когда пришла к нам церковно-славянская книга, то она была сперва достоянием богатого класса и духовенства. Но потом самотеком прососалась во все поры и безусловно во многом обогатила русскую речь. Не даром же писал Ломоносов рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке». Эти книги дали нам обильное количество эллинизмов; та первая ступень русской культуры потребовала словесной помощи у народа более развитого и образованного. Конечно, язык Аристотеля и Демосфена не мог не дать этой помощи — сформировать словесно новые понятия, назвать невиданное и неслыханное дотоле: *школа, грамматика, тетрадь, хартия, постол, тропарь, стих, сандалия, саван, просфора* и т. д. ¹⁾

Рядом шли слова церковно-славянские, наполовину русскому человеку понятные, но звучавшие иначе.

Остановимся на церковно-славянских краткогласных формах. *Ра, ре, ла, ле* между согласными. Вместо русского слова, берег, город — *глава, брег, град*. Эти слова не вошли

в нашу речь, как ненужные двойни (голова и глава), а внесли с собой новый смысл: они стали прилагаться к понятиям высшего порядка. На небе путь *млечный*, а не молочный; на церкви *главы*, а не головы; жизнь кладет на плечи *бремя*, а не беремья; вор уволок у мужика овцу, и музыкант *увлек* нас своей музыкой; вокруг избы изгородь, а вокруг палат *ограда*; болячку развередил, и нанес неприятелю *повреждение*; у телеги передок, а у дворянина *предок*; злодейка ворожит, и *враждуют* народы; оболочка зародыша, и *облачение* жреца; передал письма, и *предал* свою партию.

Вместо русского *ѣ* в церковно-славянском *е* под ударением — перед твердым согласным или слогом. Небо — *нёбо*, надеж — *надеж*, хребет — *хребѣт*, пронзенный — *пронзѣнный*, умиленный — *умилѣнный*. Однако, по характеру нашей книги, мы говорим о фонетике очень кратко. Желających обстоятельно уяснить фонетическое соседство русского и церковно-славянского языка отсылаем к прекрасной книге Шахматова «Очерк современного русского литературного языка».

Наш уклон в сторону семантики и стилистики. Для нас интересно то, что церковно-славянские слова *небо, хребет* связаны с обозначениями явлений природы (звездное небо, Кавказский хребет), и русские *нёбо* и *хребѣт* — с частями человеческого тела. Тем не менее для словесника чрезвычайно важно знать, что влияние церковной литературы диктовало Пушкину рифму *нежно — безнадежно*:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,

То робостью, то ревностью томим.

Я вас любил так искренно, так нежно...

Нежный — надежный, белый — веселый. Это *е*, а не *ѣ*, что мы должны помнить при чтении нашей старой книги.

Вот два примера:

Ударился бежать во всю *мочь*; *мощь* современного капитала.

У слепца *вожак*; у народа *вождь*.

Мужицкая *одежка*; княжеская *одежда*.

Чужая сторона; *чуждый* звук.

Там, где в русском *ж* и *ч* из *дж* и *тж*, *кт*, *чт*, там в церковно-славянском *жд* и *щ*.

По той же причине.

¹⁾ См. Фасмера. „Греко-славянские этюды“. Слб 1909 г.

Суженный и присужденный.

Невежа и невежда.

Будкий—пробуждение.

Сладкий—наслаждение.

Наконец, последний отдел, давший очень много в смысловом отношении:

Взвел небылицу; *возвел* очи горе.

Душа взрадовалась; *возрадовался* дух.

Вскликнул громко; народ *воскликнул* громогласно.

Хороши *всходы* хлебов; *восход* солнца.

Схоронил добро; *сохранил* на всю жизнь.

Русская приставка без гласной; церковно-славянская сокращает когда-то выпавший здесь **ь**.

Все эти примеры достаточно показывают, как использовал наш язык церковно-славянскую книжность: он стал богаче и выразительнее. И надо сказать, что для людей литературно образованных вряд ли чувствуется нерусская стихия в словах: увлек, нужда, сохранил, вкратце, ограда, заглавие, пятиглавый—настолько твердо они нами усвоены на протяжении столетий.

Что касается тех слов, которые чувствуются нами определенно в их особой славянской окраске, то литература русская привыкла пользоваться ими в произведениях большого гения. Вспомните пушкинского «Пророка»: *влачил*ся, *персть*, *женицы*, *уста*, *десница*, *угль*, *глас*, *восстань*, *виждь*, *внемли*, *чагол*.

У Блока:

Ляг на смертный *одр* с улыбкой.

Лесть, коварство, слава, *злато*.

Постылый трепет жадных *уст*.

Женщины с безумными *очами*.

Не погиб я, но *лик* твой заметил.

Я не *предал* белое знамя.

То гул *набата*

Заставил *заградить уста*.

И в ужасе *зажмура* *очи*...

От медленных *лобзаний* влаги.

Уходит *вспять* прилив забот.

Мать глядится в мутный *мрак*,

Очи влажные сощура.

Раскосыми и жадными *очами*.

Блок устойчиво пользуется славянизмами, давая этим особую окраску стиху, обогащая его определенным тоном.

Составитель словаря иноземных слов, заимствованных в Петровскую эпоху, насчитывает более 3.000 иностранных слов, вошедших в русскую речь. Этот словарь ярко рисует, «какая произошла тогда в России перемена и в жизни административной, и экономической, и нравственной».

«Хотя прежние дьяки, окольнічиче, воеводы влачат еще кое-какое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которые присваивают и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь «администратор, актуармус, ассессор, аудитор, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман» и другие более или менее важные «особы», во главе которых стоит сам «император». Все эти «персоны» в своих «губернии, канцелярии, коллегіуме, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде» и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, «адресуют, акредитуют, арестуют, баллотировуют, претендуют, апробуют, штрафуют» и т. д.»¹⁾

Вся эта канцелярия шла к нам из Германии непосредственно или через Польшу. Голландия и Англия снабжали нас морской терминологией, Франция и Германия—военной.

Насколько большое государственное значение имело в ту пору обогащение языка этими иностранными словами, можно судить по тому, что Петр сам корректировал первый словарь иностранных слов. Практический ум администратора диктовал ему нужду в лексиконе. Новая армия, новый флот—значит названия всех частей корабля, пушки, адмиралтейства, сената и прочего.

Пусть половина введенных тогда слов пропала и не повторилась. Мы ценим ту половину, которая осталась. В такое время многое делается наспех; вот несколько примеров, для нас небезынтересных.

¹⁾ «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». Статья Смирнова в 88 томе «Сборн. отд. рус. яз. и сл. Ак. Наук»

переделку. Работу эту можно проследить еще у ребенка, который говорит *мокресс* (компресс), *мазелин* (вазелин), *вертутия* (ртуть), *Волкан* (Полкан), делая непонятные слова понятными. Так же поступает простая баба: услышав непонятное слово, она его переделывает.

Латинское *bissextus* народ переделывает в *высокоствный год*, производя, очевидно, его от слов «высокая кость», букет—выговаривается *пужет*, сливаясь, очевидно, с *корнем пук*, циркуль—*чиркуль*, от слова *чиркать*, прапорщик зовется *прапёрщицом*. «Ворона подымается, ворона опускается», говорила о барометре одна простая женщина, сливая в своем понятии перемещение естественной вещуны на дереве с колебаниями стрелки барометра.

Очень многие фамилии иноземцев, пришедших на Русь, обрусели таким же путем. Примеров много в книге Карновича ¹⁾: «солдаты называли известного некогда по своей храбрости генерала Бострома—Быстровым, а Паскевича, которого они называли сперва Пашкевичем, обрусели в Башкевича». Таррах—Горохов, Кос-фон-Давель—Козодавлев, венгерец Каташ обратился в России в Калашова, потом в Калачева и Котачева. С невестой Ивана III, Софьей Палеолог приехал итальянец Сисегі (Чичерин)—родоначальник дворян Чичериных, так же как родоначальником Кишкиных был другой путник той же Софьи Палеолог, Кассини. Гамильтона на Руси переделали в Гамантова, потом в Гаматова и, наконец, крестили в Хомутова. «Переделана была в Москве и фамилия маркграфов Мейссенских. В прежнее время Мейссен называли Мисниєю, а приехавший в 1425 году один из маркграфов Мисницких обратился в Мышницкого, а потом Мышецкого. Жил в Питере английский негодник Голлией, имел завод на одном из островов Невы, и зовется тех пор тот остров Голодаем (остров Голодай)».

Если, с одной стороны, мы видим, как меняется в живом языке то или иное слово, то недурно почувствовать и другое,—как крепко оно врастает в язык. Это видно на примере собственных имен, по преимуществу греческих; именами лич-

¹⁾ Карнович. «Словесные прозвания и титулы в России и сличение иностранных с русскими». Спб. 1886 г.

ными крестят в народе не только людей, но и предметы, и животных.

- Хавронья—свинья (искажено имя Февронья).
- Антонов огонь—гангрена.
- Антоновка—яблоко.
- Анютинны глазки—цветы.
- Андрон—шест.
- Абрамка—морженок.

Максим—товарный поезд. Вошло это на наших глазах от имени Максима Горького. Сперва говорили про товарный поезд «Максим Горький».

Макарка—название узкоколейки в Гжатском уезде, Смоленской губернии.

- Ванька—легковой извозчик.
- Ванька-встанька—игрушка.
- Иван-да-Марья—цветок.
- Васька—козел и кот.
- Кондрашка—апоплексия.

Кроме того, собственные имена наводнили наши пословицы. Ради рифмы бери любое имя, и выходит и ладно, и складно. «Тит, Тит! иди молотить!» «Федул губы надул.» «Заладила сорока Якова, одно про всякого!»

Знаменитая сказка о Ерше Щетинникове артистически играет на именах:

- Пришел Пеша,
- Поставил вершу;
- Пришел Богдан,
- Ерша Бог дал;
- Пришел Вавила,
- Принял ерша на вила;
- Пришел Обросим,
- Ерша оземь бросил;
- Пришел Петруша,
- Ерша разрушил (разрезал);
- Пришел Савва,
- Вынял с ерша полтора пуда сала;
- Пришел Июда,

Расклат ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила—и т. д.

Так прочно, за время с XI века до XVII, христианское, греческое по преимуществу, имя вошло в русскую народную речь. В XI веке оно совсем еще не прививалось на русской почве, в XVII веке оно еще употребляется рядом с русским личным языческим еще именем. И все-таки иноземная стихия взяла верх; Ждан, Рюма, Плещей идут к нам из каких-то писцовых книг, Купава—из драмы Островского, Торопка—из оперы «Аскольдова могила», вообще из книг, а Федосья, Петр, Макар, Катерина и Федор—это живая народная наличность. Еще в XVIII веке любили сочинять имена Пленира, Прелепа, Столверх, Извед, Болтай, Стародум, и вот подобной книжностью, как бы сочиненностью, отдают для современного уха старые исконно славянские имена; иноземное, наоборот, привилось, разрослось, пустило корни, вытеснило языческую старину и стало для нас живым русским словом.

Все эти примеры достаточно показывают, насколько жизненными были эти воздействия языков чужих; русский язык брал, перерабатывал, усваивал, богател.